

По мастерскимъ.

5. Фалилеевъ.

Въ мастерскихъ русскихъ художниковъ, да еще москвичей такъ часто мечтать о религии искусства, о зрѣлцахъ свѣтозарнаго Ангелана, въ нихъ витаешь поэтическое вдохновеніе, а мысли уносятся въ широкіе просторы, но въ нихъ такъ мало говорятъ и служатъ религіи ремесла и вдохновенію черновой работы.

Я говорю безъ злого умысла, но тая скорбь, что русскіе живописцы въ огромномъ большинствѣ не любятъ работать, но любятъ и умѣютъ много и сладостно мечтать.

Отсутствіе планомерной, устойчивой и тщательной выучки, которую проходили художники. Возрожденія, нѣкогда послѣдствіемъ то, что русская живопись представляла собою одиноко стоящую вершину болѣзненныхъ гадальковъ, но не образуешь непрерывной цѣпи торжана хребъ, т. е. нѣтъ въ ней той преемственности и слитости живописныхъ цѣнностей, совокупность которыхъ называемъ мы культурой.

Поэтому намъ, русскимъ, не приходится сѣтовать, что наша живопись ужъ такъ-таки очень ушла въ «технику».

Напротивъ, если современная эстетическая проблема за послѣднее время и получила сдвѣгъ въ сторону «идеологии», то былъ можетъ какъ разъ время пересмотрѣть и вопросъ технического мастерства.

Характерно, что въ русской живописи этотъ вопросъ остался чуждъ той плоскости, въ которой онъ лежалъ въ эпоху Возрожденія, когда мастерство понималось, какъ результатъ длительного опыта, преемственности традицій, глубокой вдумчивой работы надъ своимъ ремесломъ. И если мы говоримъ, что мы «уехали отъ мастерства», то совсѣмъ не отъ этого культурнаго мастерства, а лишь отъ парочности и «сдѣланности».

Тѣмъ разительнѣе контрастъ, когда въ мастерской васъ отвѣтываетъ атмосфера «будней» здороваго творческаго труда, продуманной, планомерной работы, живущей въ прошломъ богатый опытъ, работы,

проникнутой любовью къ самой себѣ, работы прежде всего культурнаго мастера. Не преувеличивая скажу, что въ мастерской Фалилеева я былъ охваченъ той пылнательной «сдѣловой» атмосферой, которая витала у итальянскихъ живописцевъ въ лучшую пору Ренессанса.

Въ мастерской Фалилеева вдохновеніе разбѣрено и заключено въ численныя величины, которыя опредѣляютъ не только составы различныхъ кислотъ, градацій процессовъ шлифовки досокъ, рѣзбы, травленія и печати офортныхъ, гдѣ предусмотрены и опредѣлены числомъ не только температуры составовъ, но и вліяніе комнатной атмосферы учено на ходъ работы.

— Десять лѣтъ я провѣлъ, — говорить Фалилеевъ, — въ какомъ-то одиночествѣ, словно въ пустынѣ, и отроду сознмать, что въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ возникаетъ интересъ къ гравюрѣ и офарту, искуству забытому современными мастерами, сведенному на стемени прикладной вѣтви художества.

Да не только интересъ къ гравирному искусству былъ чуждъ русскому обществу, — въ Россіи не у кого было ему учиться.

И Фалилеевъ не хочетъ никто обидѣть, когда рассказываетъ, что гравировальныя техники онъ учился не столько у почетнаго профессора Матѣ, сколько у старшихъ академическихъ служителей праверной мастерской.

То, чему обязаны Фалилеевъ въ своемъ мастерствѣ, онъ достигъ этого или самостоятельнымъ путемъ, или пріобрѣлъ у западныхъ учителей. Съ запада вынесъ онъ и эту, рѣдкую для русскаго художника, любовь къ черновой работѣ и весь тотъ богатый опытъ, который дѣлаетъ его культурѣйшимъ пѣмъ нашихъ офортныхъ. Если бы у насъ было побольше такихъ работниковъ, какъ Фалилеевъ, мы могли бы увѣренно говорить о прочности нашей живописной культуры.

Н. Тарабукинъ.